

Сергей Мокшанцев

217-я, «БОРИСОГЛЕБСКАЯ»

(Дивизия, сформированная в Борисоглебске, прошла боевой путь от Десны до Пруссии)

ВСТУПЛЕНИЕ

Каждый борисоглебец не раз проходил по одной из городских улиц, которая носит название «217-й стрелковой дивизии». Она, соответственно, названа в честь 217-ой стрелковой, Унечской, ордена Ленина, Краснознаменной, ордена Суворова дивизии. В ее рядах сражались многие сотни наших земляков, в Борисоглебске она была сформирована и отсюда ушла на фронт Великой Отечественной войны. Но до обидного мало осталось свидетельств о подвигах и страданиях, поражениях и победах ее бойцов. А ведь эта дивизия, которую можно называть «борисоглебской», не раз оказывалась на важнейших участках фронта, пройдя славный, хотя и очень тернистый, путь от берегов Десны до Восточной Пруссии!

ФОРМИРОВАНИЕ И НАЧАЛО ВОЙНЫ

Путь 217-й стрелковой дивизии РККА начался ранней весной — 14 марта 1941 года. Не в последнюю очередь дивизии удалось сформировать быстро за счет скрытно проведенной мобилизации резервистов под видом «больших учебных сборов 1941 года», давших 217-й в мае-июне 1941 г. еще 6 тысяч бойцов помимо уже имеющихся комсостава и солдат-срочников.

Штаб дивизии разместился в нашем городе в нынешнем здании СЭС по ул. Ленинской. Несмотря на понятную спешку, дивизия формировалась по штатам военного времени и выглядела как боевая единица вполне солидно. Всего ее численность предполагалась в 14,5 тысяч человек. На вооружении бойцов находилось 558 пулеметов, 1204 автомата, 144 орудия (из них 54 противотанковых), 150 минометов, 16 легких танков (правильнее сказать, танкеток), 13 бронемашин, 558 автомашин, 3 тысячи лошадей.

В дивизии царило приподнятое настроение. Первый командир дивизии, 44-летний полковник Михаил Алексеевич Грачев, мог быть доволен — он заступил на генеральскую должность и начинал историю вновь сформированной воинской части с чистого листа. Сходные чувства испытывал, должно быть, и его начштаба Владимир Петрович Шлегель. Их всячески поддерживал замполит командира дивизии бригадный комиссар Д.В. Васильев. Этим людям после 22 июня 1941 года предстояло повести в смертельный бой тысячи наших земляков...

Естественное, начало войны стало неожиданным как для борисоглебцев, так и для красноармейцев 217-й. Возможно, что далеко не все в первые дни поняли значение происходящего. Как бы там ни было, сразу после передачи по радио знаменитого сообщения Молотова о начале войны (а произошло это только в полдень) 22 июня был созван митинг, на котором командиры и рядовые дали обещание «разгромить фашистов». Предполагалось, что это будет сделано быстро, всеокрушающим ударом. Чувства, которые охватили большинство солдат, очевидцы передают одним словом — негодование. Можно говорить и об удивлении от вероломного удара, сменившемся гневным желанием наказать агрессора. Дивизия начала военную жизнь.

Уже в конце июня 1941 года ее подразделения начали грузиться на станции Борисоглебск, чтобы выдвинуться согласно первоначальным планам в киевском направлении, однако далеко уехать не успели. Вермахт главный удар, вопреки прогнозам, нанес на белорусском направлении. Последовала соответствующая Директива Ставки ГК № 0043 от 27 июня 1941 г., и 217-я стрелковая дивизия была включена в состав 28-й армии. Теперь она передавалась в резерв Западного фронта и должна была выдвинуться в Смоленскую область, куда первые ее бойцы прибыли около 3 июля.

И 217-й, и другим соседним дивизиям здесь предлагалось занять полосу обороны шириной до 45 километров на каждую. Штабу 28-й армии и его работникам личный состав «их» воинских соединений был совершенно незнаком. Изучение личного состава происходило уже в процессе приема соединений. Для штаба армии 217-я дивизия являлась всего лишь соединением свежего формирования с неизвестной боеспособностью. А ведь вследствие вышеупомянутых причин части дивизии оказались разобщены более остальных. Так, некоторые из них сворачивали на север чуть ли не от Харькова, а другие — двигались к Смоленску сразу из Борисоглебска. В результате два ее первые эшелона выгрузились на станции Бетлица, в 80 километрах восточнее города Рославля, то есть примерно в назначенном районе. Но зато остальные эшелоны разгружались в Брянске, и им пришлось идти к Бетлице походным порядком. Это задержало оборонительные работы и развертывание соединения на рубеже обороны на несколько дней, так как в пешем строю предстояло преодолеть около 100 километров, с огромным количеством переносимого в основном на себе имущества, по июльской жаре и под бомбежками. Пока эшелоны везли бойцов и технику 217-й дивизии, пока они выдвигались от железнодорожных станций высадки до мест развертывания, надупила середина июля. Немцы уже вышли к Смоленску! Командиры мрачнели все больше. Война шла совершенно не так, как предполагалось.

В составе 28-й армии в июле 1941 года дивизия сражалась под Смоленском. Бои эти были для наших войск ожесточенными и неудачными. К августу 1941 года 28-я армия, защищавшая смоленские года и веся, перестала существовать.

СТОЯНИЕ НА ДЕСНЕ

После этого 217-я дивизия вошла в состав вновь сформированной 43-й армии. Теперь борисоглебцам было поручено оборонять восточные берега реки Десны, с центром позиции в районе большого села Екимовичи на реке Десне, на критически важном Варшавском шоссе. Немцы сначала шли следом, на восток, и тоже вышли к Десне. Но к 8 августа их напор ослаб — Гудериан поворачивал на юг, к Киеву. Возникла передышка.

Фронт на участке обороны 217-й дивизии стабилизировался и замер. В этом положении он находился около полутора месяцев — громадный срок в условиях 41-го года. Это время можно назвать «стоянием на реке Десне», ведь линия обороны проходила в основном по восточному берегу этой реки. Правда, пока шло это самое стояние, вокруг положение было отнюдь не идиллическим. Уникальное свидетельство о действительном состоянии 50-й армии вообще и 217-й дивизии в частности мы имеем благодаря так называемому «запретному дневнику майора НКВД». Под таким наиме-

нованиям стал в последнее время известен очень редкий документ эпохи — личный дневник начальника военной контрразведки (особого отдела) этой армии майора НКВД И.С. Шабалина. По иронии судьбы, именно он по долгу службы был обязан следить, чтобы красноармейцы никаких дневниковых записей не вели — это было запрещено. Но сам Шабалин такой дневник вел, куда и записывал совершенно искренне все свои наблюдения, не предназначенные для чужих глаз.

Уже в начале сентября он делает горький вывод: «Армия не является такой, какой мы привыкли представлять ее себе на родине. Громадные недостатки. Атаки наших армий разочаровывают». Затем 30 сентября идет более подробный анализ ситуации: «Положение с личным составом очень тяжелое. Почти весь состав армии подобран из людей, родина которых занята немцами. Они хотят домой. Бездеятельность на фронте, отсиживание в окопах деморализуют красноармейцев. Появляются случаи пьянки командного и политического состава. Люди иногда не возвращаются из разведки. Противник ведет лишь слабый минометный огонь... Дела идут плохо. Знает ли Москва действительное положение на фронте?..»

Шабалин от себя, естественно, не скрывает, что «положение 50-й армии не блестящее... Это происходит еще из-за того, что армия почти два месяца находится в обороне и ведет только артиллерийский, минометный и пулеметный огонь, и то лишь периодически и очень слабо. Нет никаких активных действий, атак, и из-за этого среди красноармейцев возникают нездоровые проявления... Душа болит, настроение отчаянное». Но командование дивизии, армии и фронта делало вид, что все в порядке.

ПЕРЕД СМЕРЧЕМ

И действительно, пока мало что предвещало солдатам 217-й приближение октябрьской катастрофы. Среди них царило, в общем, меланхоличное настроение: дескать, война будет идти долго, и, может быть, в окопах на Десне сидеть им годами, как в Первую мировую. Вот что писал в течение сентября родным, например, старший лейтенант Василий Дорохин, помощник начштаба 740-го стрелкового полка: «Мы находимся в местах, в которых охотился И.С.Тургенев и которые так прекрасно он описал в «Бирюке», «Хоре и Калиныче». Здесь много диких гусей и аистов. А как там наш сад? Уже сбросил платье?.. Враг силен. Но все же понемножку мы начали теснить его. Верю, что скоро по Смоленской дороге побегут еще раз непрошенные гости, несущие смерть всему, что есть хорошего на земле. Аттила и Чингисхан бледнеют перед этим сатаной. Нет дня, буквально говоря, чтобы не лилась дорогая нам кровь детей и братьев... Становится все холоднее. Продолжают идти с небольшими промежутками дожди, и вода в Десне помутнела. В лесу не слышно уже щебетанья птиц. Не знаю, как теперь чувствуют себя наши аисты?!. Бои стали для нас уже буднями. Тяжело терять людей, с которыми еще несколько минут назад разговаривал, отдавал последние приказания. Но война есть война, и ничто не удивляет, только жутко больно душе...» Как и сотни однополчан, Василий Дорохин сгинул в октябре 1941-го под ударом гитлеровского «Тайфуна» и уже никогда не вернулся на родную воронежскую землю.

При хорошей для осени 41-го года комплектности — 11 953 человека, 360 пулеметов, 126 орудий и минометов, в том числе 38 противотанковых пушек — 217-я дивизия занимала непомерно широкий фронт в 46 километров, и без всяких зенитных средств! Удержать сколь-нибудь серьезный удар она не могла. И не сумела, это оказалось выше всяких возможностей.

К этому времени против несчастной 217-й немцы сосредоточили ударную группировку из 10-ти пехотных, 5-ти танковых и 2-х моторизованных дивизий из состава 4-й полевой армии и 4-й танковой группы. Уже в первом эшелоне у противника имелось 9 дивизий, из них 3 танковых. Назревала самая грандиозная катастрофа в истории русской армии.

Осеннему наступлению гитлеровцев на Москву 1941 года, как известно, было присвоено имя «Тайфун». Именно под ударами буквально вихря оказалась 2 октября 217-дивизия. Еще рано утром немцы организовали несколько переправ через Десну на 10-километровом участке, который охраняли всего три роты «борисоглебской» дивизии. Противник просто смел это охранение ударом чудовищной силы нескольких своих дивизий, после чего немцы взяли под контроль деснянские переправы. По ним быстрым темпом были пропущены уже в первые сутки наступления десятки тысяч солдат и более 100 танков.

Что стало с 217-й дивизией, в штабе 50-й армии не знали чуть ли не двое суток. Напомню, что штаб армии находился от нее в 110 км, и при потере проводной связи (что неудивительно, восстановить ее так и не удалось) все контакты были прерваны. Попытки посылать по грунтовым дорогам под ударами «юнкеров» для связи с дивизией грузовики не увенчались успехом. Соседи «борисоглебцев» по обороне с болью наблюдали, как всю ночь на 3-е октября через их расположение шли на восток какие-то растерзанные ошметки войск. Это были разрозненные подразделения 217-й дивизии, смешавшиеся с рабочими строительных частей и беженцами. Наиболее четкую картину произошедшего опять дают не военачальники, а вышеупомянутый особист Шабалин: «Еще 1.10.41 г. у нас появился один немецкий солдат и заявил: «Завтра мы атакуем вас по всему фронту». Он видел в нашей армии силу, однако эта сила задрожала и дала противнику возможность форсировать беззащитную Десну в нескольких пунктах... Положение 217-й дивизии следующее: 2.10.41 г. немцы провели усиленную артиллерийскую подготовку, разбили пулеметные гнезда и позиции наших стрелков, отогнали наши передовые посты и перешли в атаку. Немецкая авиация проявляла деятельность и не давала нашим силам возможность развернуться. Результат: дивизия разбита. Полк № 766, находившийся на правом фланге, потерян; связь прервана, и никто не знает, где она осталась. От 755-го полка осталось человек 20. Остальные мертвы, ранены или рассеяны. Дивизия потеряла руководство. Красноармейцы были оставлены на произвол судьбы. Все приходят с оружием. От дивизии осталось не более 3 тысяч человек, и эти также рассеяны».

Поскольку немцы действовали механизированными подразделениями вдоль дорог, отход естественным путем начал осуществляться по глухой сельской местности, по лесам и болотам. Это был воистину скорбный путь. Вражеские мотоциклисты заняли все важные населенные пункты, перекрестки дорог, железнодорожные станции и разъезды. Ночью немецкие ракеты взлетали буквально кругом. Больные и слабые духом либо подавленные ошеломляющим ударом гитлеровцев отсеивались — расходились по деревням, дезертировали, сдавались в плен, даже не предполагая, какой кошмар их там ожидает. Остальные упорно шли на восток. При этом значительную часть раненых 389-му медсанбату удалось сдать на проходящий мимо поезд на станции Сухиничи. Доблестные медики потом так и вышли из окружения к Белеву вполне самостоятельно в отрыве от основных сил дивизии.

ГИБЕЛЬ ДИВИЗИИ?!

Ситуация складывалась почти безвыходная. С 9 октября прекратилось снабжение всей 50-й армии продовольствием и боеприпасами, поэтому каждый воин, решивший до конца исполнить свой долг, стремился иметь побольше патронов и гранат, таща все на себе. К тому же резко похолодало, и в ночь на 9-е выпал первый снег. А ночевали-то в основном на голой земле! Грязь началась вообще непролазная, все лесные дороги и тропы превратилась в тягучее тесто. Тем не менее, армия, в том числе и оставшаяся часть 217-й дивизии, примерно четверть от ее первоначальной числен-

ности, продолжали двигаться на восток более-менее компактной группой. Промежуточным рубежом отхода стала река Рессета в южной части Калужской области. Но и противник, стремясь не выпустить наших бойцов из окружения, начал срочно выдвигать сюда части усиления, в том числе пару танковых дивизий. Таким образом, из-за безобразной связи и плохой разведки 50-я армия сама шла на Рессету в немецкий «мешок». Уже с 10 октября там начались ожесточенные бои. Наши солдаты отчаянно шли на прорыв в сторону Болхова, но и немцы постоянно усиливались, активно используя танки и авиацию.

Основное сражение развернулось на обширной территории Гутовского лесхоза. Ближе к вечеру 13 октября нашим частям удалось организовать через Рессету переправу, загнав в реку несколько больших штабных автобусов и кинув сверху доски в правую настила. Спасая всех, здесь отличились воины 154-й стрелковой дивизии. Под сильными бомбежками и минометным обстрелом через переправу пошли бойцы и огромный армейский обоз — двигалось приблизительно 1 000 машин в 3 ряда. Многие из них ломались, и их приходилось сдвигать в сторону с помощью тягача. Противник тем временем группировался в районе села Хвостовичи, все сильнее нажимая на наши части в Гутовских лесах. По воспоминаниям, командарм Петров лично собрал что-то около батальона солдат и отдал им приказ оборонять временную переправу до последнего. Утром 14 октября немцы подвергли переправу ожесточенной бомбежке, а подразделения прикрытия атаковали своей пехотой. Атаки были отбиты, обе стороны понесли большие потери, но переправа уцелела. Тогда немцы почти непрерывно начали ее бомбить. Одна из тяжелых авиабомб попала прямо в мост, сорвала настил и разметала автобусы, служившие авиабомбированным опорам. Переправа перестала существовать! А немцы наносили удары с востока на запад, буквально заталкивая наши части в гибельный «котел».

Шабалин, превратившийся из грозного начальника особого отдела в рядового окруженца, торопливо помечал при свете костра: «14.10.1941 г. Противник оттеснил нас в кольцо. Непрерывная канонада. Дуэль артиллеристов, минометчиков и пулеметчиков. Опасность и ужас почти целый день. Я уже не говорю больше о лесе, болоте и о ночевке. С 12-го я не спал. 15.10.1941 г. Это ужасно, у меня кружится голова; трупы, ужас войны, мы непрерывно под обстрелом. Снова я голоден и не спал... У нас полное уничтожение. Армия разбита, обоз уничтожен. 16.10.1941 г. Я переночевал в лесу. Уже три дня я не ел хлеба. В лесу очень много красноармейцев. Командиры отсутствуют. В течение всей ночи и утром немцы обстреливали лес оружием всех видов...С утра идет дождь. Затем дождь перешел в мокрый снег. Мы промокли до нитки. Нас мучает ужасная жажда, мы пьем болотную воду. Адский холод, сыро».

В этих боях был тяжело ранен командующий 50-й армией генерал Петров. Немного позже, 20 октября, и он, и Шабалин погибли у деревни Пасеки.

Гудериан в мемуарах самодовольно констатировал: «17 октября капитулировала группировка противника, находившаяся в окружении севернее Брянска. Совместно со 2-й армией нами было захвачено свыше 50 000 пленных и до 400 орудий; были уничтожены основные силы 50-й русской армии».

ВЫХОД К ТУЛЕ

Правда, «быстроходный Гейнц» все же ошибся, и не все наши войска под Хвостовичами сдались. Хотя ситуация складывалась почти безвыходная.

В сложнейший момент 217-я дивизия осталась без командира. Многие офицеры бросили своих подчиненных, не желая нести за них ответственность, и спасались самостоятельно. К счастью, не таков оказался начальник штаба дивизии полковник В. Шлегель (Об этом незаурядном человеке, к огромному сожалению, сохранилось очень мало упоминаний; известно, что скончался он в 1976 году). Шлегель начал дви-

жене вместе с другими частями 50-й армии не на юго-восток на Болхов, путь на который был немцами прегражден накрепко, а на восток, через дремучие леса на город Белев Тульской области. Эта дорога была гораздо труднее, но сравнительно более свободной от немецких заслонов. Наступил тот час, когда каждый боец должен был сжать волю в кулак и сражаться до последнего. И вот в ночь на 18 октября красноармейцы из 217-й дивизии вместе с товарищами из других частей 50-й армии пошли на прорыв. Это был рывок отчаянных людей, оставшихся почти без боеприпасов, голодных, измученных холодом и бессонницей. Поразительно, но им удалось, наконец, преодолеть роковую Ресету и сквозь ряды 53-го армейского корпуса противника выйти из окружения!

Наши бойцы группами и поодиночке стали выходить к Белеву. Первую группу численностью всего 42 человека еще 16 октября сумел привести майор Гордиенко. Потом число спасшихся увеличилось до 300... К 23 октября в дивизии насчитывалось 1 428 человек, ее бойцы сумели каким-то чудом вытащить из «котла» также 8 или 9 пушек и 3 гаубицы, несколько минометов и станковых пулеметов. Совершенно неожиданно в ряды дивизии влилось подкрепление — не пожелавшие разбежаться по домам воины сводного полка, сформированного с августа 1941 г. в Брянске.

В 20-х числах октября во всей 50-й армии осталось 10 процентов численного состава и 2,4 процента орудий и минометов от того, что было 1 октября 1941 года.

А война продолжалась. И командование фронта вдруг узрело, что танки Гудерина едут уже к Туле, держа в уме выход к столице. Поэтому своей директивой № 316/ш от 25 октября штаб Брянского фронта, поставив задачу 50-й армии (то есть остаткам, составлявшим ее ранее двенадцати дивизий, в том числе 217-й) отойти от Белева через Одоев и Крапивну для участия в обороне Тулы. В течение следующих нескольких дней шла своеобразная гонка: немцы нажимали через Мценск и Плавск на Тулу с юга, а наши части стремились не дать им себя отрезать и, соответственно, подходили к этому городу с запада. К 30 октября им буквально на день удалось опередить врага.

Обстановка у Тулы тем временем складывалась тревожная. Вспоминает офицер штаба 217-й дивизии: «В конце октября 1941 года остатки нашей дивизии вместе с другими войсками подошли к Туле. Причем «на хвосте» отступающих войск уже появились разведывательные танки противника. Они в город не отважились зайти, но изрядный страх на жителей нагнали. Возникла сильная паника. Люди, охваченные тревогой, устремились в продовольственные склады и магазины и тащили оттуда все что могли. А войска тем временем непрерывным потоком уходили через улицы города на восток. Некоторые части дошли до города Венева, в 40 км от Тулы». По мнению мемуариста, переломить ситуацию сумел лишь 1-й секретарь Тульского обкома ВКП(б) Жаворонков. Он не сбежал, как нередко делали другие руководители, а через голову военных дал телеграмму самому Сталину: Тула борется, население решило обороняться, нужны подкрепления. И вот «Ставка немедленно повернула назад отступающие части войск, и с этого момента началась героическая оборона Тулы».

Чтобы участвовать в обороне Тулы, 217-дивизия располагала примерно 1,5 тысячами человек. У трети из них не было никакого оружия. Бойцы ровно месяц в отчаянных рывках выходили из окружения. Но с момента выхода к Туле 217-я никогда уже больше не бежала от противника. Отсюда начался ее победный путь — к Кенигсбергу!

ОБОРОНА ГОРОДА-ГЕРОЯ

Официально героическая оборона Тулы началась 30 октября 1941 года. Тогда был создан так называемый Тульский боевой участок 50-й армии под командованием генерала Попова, заместителя командарма. На южной и западной окраинах Тулы заняла оборону 217-я дивизия, штаб имея прямо на Московском вокзале — в массивном здании с большим подвалом.

Сначала Гудериан планировал захватить славный город русских оружейников с налету, фактически одними танковыми подразделениями, ожидая, что русские опять убегут, оставив ему великолепные трофеи. В конце октября и самом начале ноября 1941 г. десятки немецких танков почти без пехоты, но при сильнейшей поддержке артиллерии и штурмовиков, пытались брать Тулу в лоб, нахрапом. Ожесточенный бой разыгрался у Рогожинского поселка, где плечо к плечу с «борисоглебцами» сражался знаменитый Тульский рабочий полк. Для борьбы с танками, кроме остатков дивизионной артиллерии, использовались орудия ПВО, несколько ракетных установок («катюши») и даже бронепоезд. Гудериан указывал, что заодно «русские, являющиеся мастерами в области разрушения, взорвали при отходе все мосты, а на более узких местах заминировали обширные участки местности вдоль дороги».

Поэтому примерно с 3 ноября немцы начали выполнять более изощренный план: теперь они надеялись охватить с флангов и окружить всю тульскую группировку наших войск, создав так называемые «большие клещи». На восток и на запад от города двинулись немецкие дивизии, и фронт обороны расширился в течение ноября чуть ли не на полтысячи километров. Борьба за Тулу приобрела стратегическое значение!

Однако и наше командование тоже решило не отсиживаться в обороне. Хотя, учитывая состояние наших частей, подобный оптимизм выглядит, мягко говоря, неуместным. Командование Брянского фронта решило ни много ни мало до 15 ноября добиться «уничтожения противника, прорвавшегося через Плавск в район Тулы». Едва отгремел знаменитый московский парад 7 ноября, как войска Тульского боевого участка начали свое контрнаступление. Немцы ответили ударом, поддержанным примерно 55-ю танками. Начался жестокий встречный бой у деревни Китаевка, проходивший на сильном морозе. 217-я дивизия вместе с другими нашими подразделениями стойко выдержала несколько атак врага, но об изгнании немцев из-под Тулы речь уже не шла.

С горечью вспоминал потом начальник дивизионной артиллерии Попов, что самые печальные дни на войне пережил именно в ноябре 1941 года, когда после неудачи собрали на «разбор полетов» командиров: «Нашу дивизию выделили в отдельную группу, усилили ее 33-й танковой бригадой, в которой было 4 танка, и поставили задачу взять Ясную Поляну. Задачу эту мы не выполнили... Вечером — почему не выполнили задачу? Командир танковой бригады говорит: «Артиллерия не была готова». Я молча пожал плечами, ведь на дивизию было всего 14 орудий, так что этой танковой бригаде я смог придать лишь одно зенитное орудие 87-го калибра. «Кто начальник артиллерии?» — спросил генерал так, будто бы он не знает, хотя мы только что ужинали вместе. Я встаю. «А-а-а! Изменник, предатель! Расстрелять тебя надо, сукиного сына!» И началось. Я опять пожал плечами, улыбнулся. «Ты еще и смеешься?! Вот когда повесим — не будешь смеяться!» Я, конечно, вспотел, потому что в 41-м после слов «расстрелять» и «повесить» можно было уже считать себя на том свете». Спас Попова и, наверное, других командиров 217-й звонок нового, только что назначенного командарма Болдина, который заявил, что об их «вредительстве» речи быть не может.

После неудачного наступления 217-я была поставлена в жесткую оборону на ставшей уже родной южной окраине Тулы. Именно в этот момент, 16 ноября, ее возглавил новый командир, и личность это была примечательная. Вся славная военная биография Кузьмы Петровича Трубникова является типичной до поразительности для русского офицера XX века. Он начал военную службу в далеком 1909 году в элитном Семеновском полку, где сумел дослужиться до начальника команды пеших разведчиков и стать полным солдатским Георгиевским кавалером. В 1918 г. вступил в Красную Армию, гражданскую начал комвзвода, окончил — командиром бригады. В июне 1938 года Трубников, командуя дивизией... был арестован и до февраля 1940 года находился под следствием в органах НКВД. К счастью, его не успели расстрелять или

уморить в заключении. В конце марта 1940 года Трубникова восстановили в рядах РККА и направили на преподавательскую работу. Лишь в конце июля 1941-го он смог восстановиться и морально, и физически настолько, чтобы отправиться на фронт. Битый жизнью, до конца 1941 года Трубников имел архаичное на тот момент звание комбрига. Здесь, конечно, видится совпадение жизненного пути Трубникова с биографией его друга и старшего соратника, маршала Рокоссовского. Сходство их биографий, видимо, потом бросалось в глаза и самому прославленному маршалу. Ведь, начиная с 1942 года, Трубников был повсюду вместе с ним, являясь первым заместителем на постах командующего армией и фронтом. Есть какая-то высшая справедливость в том, что именно Трубников выпала уникальная возможность, будучи только заместителем командующего 2-м Белорусским фронтом, возглавить его сводный полк во время Парада Победы 45-го. Ведь командовал парадом сам Рокоссовский!.. Но пока до этого очень, очень далеко.

В 20-х числах ноября немцы активизировались непосредственно в окрестностях Тулы. Вспоминают про жестокие артналеты как раз в это время.

Гудериан уже расстался с идеей «больших клещей» — на окружение и разгром всей нашей тульской группировки у него уже не было сил. Но «быстроходный Гейнц» решил хотя бы спасти репутацию и, главное, получить зимние квартиры для своих солдат. В этой связи возникла идея «малых клещей», то есть наступление с целью перерезать железную дорогу и шоссе Тула-Москва и окружить хотя бы сам город. Две формируемые ударные группировки немцев должны были соединиться где-то севернее Тулы.

Жизнь в осажденном городе, между тем, шла своим чередом. Работали не только предприятия, продукция которых была нужна гарнизону и населению, но и булочные, парикмахерские, аптеки. В кинотеатрах даже шли сеансы — крутили фильм «Щорс». Странно было его защитникам думать, что совсем недавно они неуправляемой толпой бежали отсюда прочь, грабя магазины и бросая оружие... Как бы ни ругали (сейчас) партийное руководство, но следует признать, что В.Г. Жаворонков являлся выдающимся региональным руководителем военного времени. Есть его огромная личная заслуга в том, что Тула стала городом-героем, а его защитники были обеспечены хотя бы минимумом необходимого и смогли исполнить свой долг.

КРИТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ

Конфигурация фронта предельно облегчала задачу противника — Тула с окрестностями стала напоминать гигантский «язык», далеко вперед выставленный в сторону неприятеля. Не срезать его для вермахта было бы просто грешно. Со 2 декабря 3-я и 4-я танковые дивизии, вновь прибывшая 296-я пехотная дивизия и полк «Великая Германия» противника начали наступление севернее Тулы. Удар был нацелен на Руднево и станцию Ревякино. Гудериан доходчиво объяснил своим солдатам, что бой на этот раз идет не за абстрактные интересы рейха, а за их будущие зимние квартиры. Этого оказалось на первых порах достаточно — немцы, что называется, из последних сил, но сумели-таки прорвать нашу оборону и взять оба названных населенных пункта. На следующий день ситуация стала критической. Немецким танкистам оставалось лишь соединиться с частями своей пехоты, чтобы создать сплошной фронт окружения. Танки с крестами уже перерезали железную дорогу на Серпухов, выползли на шоссе Москва-Тула. Командарм Болдин в приказе статифицировал: «Наступили решительные дни борьбы за Тулу».

У него оставалось лишь одно решение — снять со ставшей относительно спокойной южной окраины города имевшиеся здесь части и кинуть их на север. Соответственно, в контратаку в тот же день 3 декабря перешел один из полков 217-й стрелковой дивизии, усиленный девятью танками 32-й танковой бригады. После крайне ожесточенного боя им удалось остановить немцев в районе села Торхова. Из другого полка

нашей дивизии, 740-го, был взят наиболее боеспособный 3-й батальон, который при поддержке пяти танков и батареи зениток (больше ничего не было!) занял оборону в районе Малахова, противодействуя противнику, стремящемуся замкнуть кольцо вокруг Тулы. Оставшиеся батальоны этого полка схлестнулись с противником за поселок Крюково. Трубникову приходилось командовать изолированными частями дивизии, раскиданными на 20-30 километров. Но он справлялся, и никто на этот раз не бежал и не паниковал.

Контратаковали, конечно, и другие наши части. Из Тулы снова приехал бронепоезд. Бились буквально насмерть и немцы, и наши. И все это при морозе минус 25 градусов, по пояс в снегу, при частых выюгах. Немцы пытались сомкнуть «клещи» окончательно, при этом тульский «язык» формально уже был ими перерезан. Но подлинный героизм защитников города заключается, как мне кажется, именно в том, что это обстоятельство их не поколебало. Например, красноармеец Кирсанов 668-го арtpолка 217-й стрелковой дивизии, будучи дважды ранен, с поля боя не ушел, заявив, что хочет и далее бить фашистов беспощадно.

Между тем 5 декабря по немцам, окружающим наши войска с севера от Тулы, нанесла удар свежая 340-я стрелковая дивизия. Ей следовало прорубить коридор как раз до позиций 217-й дивизии. Почувствовав близкую помощь, «борисоглебцы» выбили, наконец, противника из Крюкова. Вражеский напор стал ослабевать. К утру 7 декабря 340-я дивизия соединилась с 740-м стрелковым полком 217-й стрелковой дивизии. «Клещи» были разомкнуты, немцы стали отходить западнее и восточнее Тулы на юг.

Гудериан писал так: «Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными. Мы потерпели серьезное поражение, которое из-за упрямства верховного командования повело в ближайшие недели к роковым последствиям».

Правда, не обошлось и без сюрприза. Немцы никак не хотели смириться с поражением, их боевой дух и жажда успеха были еще очень велики. Поэтому они пошли на отчаянный шаг: бросились прямо на Тулу с западной стороны, нацелив удар как раз на штаб 217-й дивизии, на район Московского вокзала. Но Трубников как раз был из комбригов произведен в генерал-майоры и не собирался уступать. Последний бой за Тулу получился на редкость кинематографичным. Гитлеровцы ночью в течение двух часов чуть ли не в рост шли в атаку, демонстрируя крайнюю неустрашимость. Воспитанные на «Чапаеве», красноармейцы расценили этот отчаянный приступ как своего рода психическую атаку. Все происходило под светом прожекторов 732-го зенитно-артиллерийского полка под командованием старшего лейтенанта М.Е. Кузнецова. В конце концов, немцы не выдержали и отошли... Сейчас это памятное место отмечено памятными знаками по обочине Старокалужского шоссе.

ПЕРВЫЕ ПОБЕДЫ

Этот момент как раз стал одним из признаков перехода наших войск с ходу в стратегическое контрнаступление под Москвой. И 50-я армия, естественно, также должна была наступать на врага. Ее ослабление от непрерывных оборонительных боев, чудовищную усталость солдат и офицеров, сильный недостаток танков и артиллерии в расчет просто не воспринималась. По имеющимся у командующего Западным фронтом Жукова сведениям, 50-я армия имела на начало контрнаступления боеприпасов (только мин и артыстрелов) 2 боекомплекта, горючего 2 заправки и продфуража 4 сутокные дачи, что было признано чуть ли не великолепным. Однако, например, снаряды с армейских складов непосредственно в войска поступили только к 17 декабря. Но на подобные «мелочи» внимания никто не обращал.

Согласно плану армии следовало во взаимодействии с другими нашими частями окончательно разгромить всю 2-ю танковую армию вермахта. Конкретно 217-я дивизия получила следующую задачу: взаимодействуя с соседями, окружить немецкие

опорные пункты Косая Гора и Ясная Поляна, после чего взять город Щекино. Быстрое падение последнего фактически вело к расчленению армии Гудериана надвое. Выполняя невыполнимое, 217-я пошла в наступление. Противостояли ей отборные части вермахта, в том числе полк «Великая Германия», который по силе смело можно прировнять к моторизованной дивизии. Наши бойцы, поддерживаемые одинокой батареей «катюш», начали штурмовать Косою Гору — большой рабочий поселок на возвышенности, прекрасно оборудованный противником для обороны. Немцы подготовили большое количество дотов, дзотов, пулеметных гнезд, надолбов, минных полей и других инженерных сооружений. Ни с чем подобным наши солдаты еще не сталкивались. У них фактически не было опыта наступления и прорыва укрепленной вражеской обороны.

При этом командарм дал указание взять поселок уже к вечеру 8 декабря, в первый же день наступления. В реальности лишь ночью дивизии удалось завладеть парой деревенок к северу от Косой Горы. Немцы, видя перспективу отступления с ночевками в чистом поле при минус 20 без зимнего обмундирования, за теплые дома и подвалы дрались, как бешеные.

Лишь 14 декабря немцы отошли от Косой Горы в город Щекино, который также решили упорно оборонять, ведь через него вся 2-я танковая армия спешно «утекала» из-под удара русских на запад. Но еще до этого Трубникову поступил даже не приказ, а «личная просьба» начальника Генштаба РККА маршала Шапошникова взять Ясную Поляну и сделать это так, чтобы не пострадал музей Л.Н. Толстого. Комдив сам обошел все полки и батальоны, рассказывая солдатам, какую ценность представляет музей для мировой культуры. Не знаю, все ли бойцы дивизии любили книги Толстого, но они сверхчеловеческим усилием сумели выбить противника из Ясной Поляны еще до взятия Косой Горы. Священное место для нашей национальной культуры было спасено.

С 15 декабря 217-я дивизия при поддержке других частей начала штурм Щекина, охватив город с северо-запада, севера и востока. Около трех суток длились жестокие бои. Гитлеровцы вновь оборонялись упорно, и защищать им было что — в Щекино находились аэродром, склады боеприпасов и армейская ремонтная база. Опыта уличных боев не было, но бойцы 217-й дивизии упорно брали дом за домом, улицу за улицей. Вечером 17 декабря Совинформбюро с удовлетворением сообщило: «Сегодня нашими войсками занят город Щекино... Только часть т. Трубникова захватила 6 немецких самолетов, 35 танков, 4 орудия, 35 автоматов, 40 мотоциклов, десятки тысяч снарядов и много другого военного имущества».

НОВЫЙ ГОД

С учетом изменившейся обстановки, направление движения 217-й дивизии с севера на юг после боев за Щекино было внезапно резко изменено. Теперь ей предстояло круто повернуться на запад и спешным пешим маршем выходить в район поселка Ханино. Трубников сумел организовать движение, и уже 20 декабря дивизия, преодолев в подлинно суворовском темпе около 100 километров, оказалась в заданном месте. Чего стоил этот марш пешком по бездорожью при свирепом морозе, остается только догадываться.

К 24 декабря дивизия выдвинулась на Оку, имея перед собой на противоположном берегу райцентр Перемышль (это уже на калужской земле). Последний был превращен противником в сильный опорный пункт и оборонялся частями 137-й пехотной дивизии. Но наши бойцы и командиры уже получили опыт наступления в зимних условиях. Перемышль был взят ночной атакой, неожиданным приступом. Замерзшую Оку удалось по льду форсировать широким фронтом, и немцы не смогли определить направление удара. Противник беспорядочно отступил, удалось вновь

захватить много трофеев. Более того, один из полков 217-й сразу двинулся далее на северо-запад и вскоре ворвался на станцию Воротынский в километрах 25 от Перемышля. К Новому году основные силы дивизии вышли и к станции Бабынино, надежно перехватив железнодорожную линию Калуга-Брянск. Нельзя тут не сказать, что стараниями учителя истории Перемышльской средней школы В. Степченкова там имеется музейная экспозиция, посвященная подвигам 217-й дивизии. А одна из улиц поселка носит имя генерала Трубникова.

Однако новогодние бои в январе 1942 года не принесли новых громких побед. Велась они с 4-го числа уже в составе новой армии — 49-й. Сперва удалось, правда, продвигаться еще довольно далеко вперед на северо-запад от железнодорожной линии Калуга-Брянск. Но затем сопротивление немцев резко усилилось, ведь до них был доведен категорический приказ фюрера держать оборону под угрозой свирепой и неизбежной кары, аналогичной нашему «Ни шагу назад!» И резервы подошли к противнику, и в боеприпасах он не испытывал ни малейшего недостатка. А у 217-дивизии элементарно уже не доставало ни сил, ни людей на новые прорывы. Но как раз в эти дни, как указывает наша официальная историческая наука, контрнаступление под Москвой переросло в Московскую наступательную операцию. Как говорится, почувствуйте разницу. Комфронта Жуков запланировал окружить основные силы группы армий «Центр» и уже не считался ни с какими резонами, препятствующими этому грандиозному замыслу. И вот 217-я дивизия долго сражалась, но продвигаясь почти ни на шаг, на реке Угре. Но как это новое «стояние» не было похоже на давешнюю оборону по Десне!

К 10 января дивизии удалось выйти почти на самое Варшавское шоссе километрах в шести от г. Юхнова. Но подвижные боевые группы немцев постоянно курсировали по шоссе и не давали за него зацепиться. Из снега и льда противник построил большое количество «пулеметных горок» на манер эскимосских иглу, разрушить которые можно было только прямым попаданием снаряда или гранаты, которых трагически не доставало у наших бойцов! Начались многомесячные бои на Угре, вязкие и жуткие, словно кошмарный сон. При этом та дивизия на Западном фронте, в которой оставалось 700 бойцов, считалась на тот момент «полнокровной». В отличие от таковых, уже в январе 1942 года 217-ю дивизию называли в сводках «ослабленной». Таким образом, в строю осталось максимум несколько сот солдат. Закачивался первый год войны, начинался следующий...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Это небольшое исследование посвящается мужеству и стойкости бойцов и командиров 217-й стрелковой дивизии, которые они проявили в первый, роковой год Великой Отечественной войны. Впереди у дивизии были новые ожесточенные сражения, освобождение Брянщины, Белоруссии (где в бою под городом Слонимом погиб ее тогдашний командир Масонов), Польши. Впереди — бои за Восточную Пруссию, и там же — встреча долгожданной Победы в мае 1945-го года. Обо всем этом следует писать более подробно в новых исследованиях. Но надо понимать и то, что с нового 1942 года 217-я дивизия уже не могла называться «борисоглебской» даже условно. Из ее первоначального состава осталось к тому времени несколько десятков штабистов, писарей и телеграфистов. Остальные ползгли в боях, лечили ранения в госпиталях, страдали в немецких концлагерях...

В самый страшный период войны наспех обученные и подготовленные бойцы 217-й дивизии встали на защиту Родины. Их подвиг, граничащий с самопожертвованием, как и подвиги сотен тысяч других красноармейцев, обеспечил, в конечном итоге, нашу Победу. 217-я дивизия приняла затем в свои ряды новых бойцов и закончила свой славный путь на вражеской земле.